

Настолько категорично, что он не смог вставить ни слова. После того как Валленштайн ушёл забирать осколок, Тен, получивший отдельное лечение, потерял дар речи, глядя на бинты, обмотанные вокруг его руки. Это не бинтование, а уровень бинтового рулона. Намотано столько, что даже кулак не сжать. Вся правая рука выглядела как огромная леденцовая палочка.

— В-вы в порядке?

Врач, который поочерёдно извлёк занозы из руки, продезинфицировал и даже забинтовал, осторожно спросил. Мазь, которую он нанёс, говоря, что это лекарство, хорошо помогающее при ранах, была настолько эффективной, что он даже почувствовал щекотку от нарастающей новой кожи. И всё же этот маленький врач-гном дрожал на протяжении всего лечения. Судя по состоянию бинтов тоже. Похоже, он хотел показать, что лечил усердно, до степени излишнего лечения. Конечно же, Валленштайну.

— Я в порядке.

— Е-если, е-есть ещё г-где-то б-большое м-место...

— Теперь всё в порядке. Спасибо за лечение.

Поклонившись и выйдя, он обнаружил Вильгельма, ждущего у двери. Тен сразу подошёл к нему.

— Из того, что вы говорили в подземелье, есть кое-что, о чём я хотел бы спросить.

— Что, о причине, почему мы прятались? Мы действительно избегали Его Величества. Разве могло остаться что-то невредимым из того, на что упал его взгляд. Если бы неразумные дети не устроили самоуправство, можно было бы тихо обойтись. Жаль, как получилось.

— ...Вам можно быть настолько откровенным?

— А какая разница. В любом случае Его Величество сказал, что даст себя обмануть.

В отличие от того, как он был перед Валленштайном, и манера речи, и поведение резко изменились. Настолько резкое изменение, что можно было бы поверить, будто это другой человек, и он растерялся.

— Нет. Меня интересует не это.

— Тогда?

— Я говорю о странных явлениях, происходящих из-за осколка. Только что не мог сказать при Его Величестве, но мне показалось, что господин Вильгельм знает решение.

Старый гном пожал плечами и горько открыл рот.

— Зачем мне своими устами говорить то, что Его Величество и так всё знает.

— Вы говорите, что Его Величество уже знает решение?

— Конечно.

Под потерявшими упругость, глубоко запавшими веками глаза, всё ещё полные остроты,

смотрели прямо на Тена.

— Через руки Великого императора суровых холодов всё теряет свою первоначальную форму и замерзает.

Гном добавил.

— Пусть это даже разбитый, раскрошенный маленький кусочек, в момент, когда его коснётся то дыхание, он превращается в символ ледяной смерти.

Дурных отзывов о Великом императоре суровых холодов немало. Среди связей, которые были до сих пор, неудивительна была бы такая оценка от кого угодно. Но почему же настроение падает. Осадок остался неприятный.

— Хотя, похоже, изредка бывают и исключения.

Вильгельм прошептал тихо, искоса взглянув на Тена.

— Осколок или суровый холод - неважно. Если Его Величество усмирит гнев, всё решится.

— Гнев?

— Он - источник и основа всех водных источников. Воплощение изначальной воды и льда. Ты, должно быть, слышал. Что когда дело доходит до великих духов или владык с территорией, погода меняется в зависимости от их настроения и эмоций.

Внезапно вышли общеизвестные сведения по духоведению. Что все изменения погоды исходят от духов.

— Аномальный климат Валенса целиком и полностью вина Его Величества. Чем глубже негативные эмоции, тем холоднее и острее замерзает вода, которая не что иное, как его воплощение. Это состояние продолжается уже 300 лет. Можно сказать, это результат неудачи императора в управлении эмоциями.

300 лет. Что же произошло 300 лет назад. Тен, крепко закусивший нижнюю губу, вскоре нашёл ответ.

Императрица Сара.

300 лет были умопомрачительным временем для Тена, прожившего всего двадцать с небольшим лет. Насколько глубоким должно быть чувство, застарелое, не разрешившееся даже спустя сотни лет. Он не мог даже осмелиться предположить.

— Значит, Его Величество гневается уже 300 лет?

— Какие-то колебания, конечно, есть, но в основе - да.

Тен не мог согласиться хотя бы с этими словами. Валленштайн, которого Тен видел всё это время, скорее не был в гневе.

— Может, ему грустно?

— М? Что ты сказал?

На переспрос Вильгельма Тен отмахнулся, что это разговор с самим собой, и ловко сменил тему.

— Что собираетесь делать с украденными произведениями?

— Что мы можем сделать. Хотелось бы вернуть всё, но мы уже 300 лет изолированы барьером снега и льда. Год странствий тоже давно запрещён. Нынешние дети совершенно не знают мира за пределами Марбурга. В такой ситуации как нам поймать вора.

Старый и немощный старик давно сдался перед стеной реальности. Тен задумался. Действительно ли нет способа?

— Как насчёт официального запроса?

— М?

— Обратиться по официальной линии правительства Гиниана. Что ваш охотник украл наши вещи, верните их. Если предметы попадут в список краденого, торговля станет невозможной. Кана будет расследовать, а краденое правительство вернёт, как только изымет.

Вильгельм сначала заинтересованно просиял, а потом снова приуныл.

— Как нам связаться с далёкой южной страной.

— У вас нет телезеркала? Я слышал, что именно мастер Марбурга первым создал телезеркало.

— Телезеркало? Что это такое?

— Я говорю о зеркале, через которое можно разговаривать, видя лицо собеседника. Его можно использовать, даже находясь далеко друг от друга.

— Ааа, точно. Было такое?

Вильгельм, сказав, что расскажет, засеменял. Когда он последовал за ним, старый гном осторожно предложил.

— Когда будем связываться с нэйвцами, не мог бы ты выступить?

— Я?

— 300 лет назад обмен с Нэйвом тоже был редким. Остался ли ещё кто-нибудь, кто умеет говорить на нэйвском языке... Честно говоря, я не уверен, что не попадусь на уловки людей.

Хотелось бы помочь сколько угодно, но положение было затруднительным. Уже совершил порчу имущества с Медузой. Если обнаружится, что он связан глубже, чем это, возможно, придётся выпрашивать у мастеров неудавшиеся изделия не Амитабху Кану, а самому себе.

— Помочь могу, но для убеждения лучше, если вы выступите сами, чем я. Не беспокойтесь. Вы явно пострадавшая сторона, и уже одно то, что удалось связаться с Марбургом, вызовет благожелательную реакцию.

— Понял. Для начала пойдём.

Последовав за Вильгельмом за пределы здания, улицы всё ещё были пусты, ни одной тени.

Даже если они прятались, избегая Валленштайна, ситуация разрешилась, так что теперь можно выйти?

Вильгельм, прочитавший мысли озирающегося Тена, усмехнулся.

— Как раз собирался сказать им потихоньку выходить. Нельзя же вечно прятаться. Зеркальная комната находится в скале-замке, так что в любом случае всем придётся выйти.

Земля слегка содрогнулась. Только он напрягся, подумав, что землетрясение, как земля взметнулась вверх. Земля, на которой стоял Тен, конечно же, и здания, находившиеся в той же секции, и уличные деревья – всё поднялось вместе. На земле, разделённой слоями, как ступени, пошла ровная трещина, и по ту сторону границы посыпалась мелкая земля.

11 районов разом взметнулись вверх.

С шумом сцепляющихся зубцов склон каждого района, соединённого зигзагом, стал круче. Это выглядело так, будто ухватили оба конца пружины и растянули. Конец последней секции, растянувшейся таким образом, достиг замка на высоком скалистом утёсе.

Zwerg Leiter. Лестница гномов.

(Примечание: Zwerg Leiter – лестница гномов (нем.))

Весь город был гигантской лестницей, ведущей к замку.

Следуя по соединённой дороге, ходя туда-сюда влево и вправо, долго шагая, они прибыли к скале-замку. Глядя вниз с вершины, панорама Марбурга была видна как на ладони. То, что он считал обычной землёй, на самом деле было верхней частью гигантского механического устройства, а под ним его поддерживали арочные мосты. Из подземного пространства под мостами прятавшиеся гномы высунули головы.

"Либо взмыли в небо, либо провалились в землю".

На вопрос, куда делись исчезнувшие гномы, Валленштайн ответил именно так. Тогда он счёл это шуткой, но теперь оказалось, что тот сказал точный факт.

— Всё, что мы сочли довольно неплохим среди наших произведений, мы храним здесь.

Этот замок, высеченный из естественных причудливых скал, тоже, говорят, произведение, которому посвятил всю жизнь легендарный скульптор Марбурга. Это был образ шедевра, обнимающего шедевр.

Вильгельм, проведя совещание со старейшинами, привёл гнома, умеющего говорить на нэйвском языке, и гнома, который в прошлом вёл большую торговлю. Они должны были от имени Марбурга вести переговоры с правительством Гиниана. Тен вошёл в скалу-замок вместе с ними. Сквозь ряд больших окон проникал разноцветный непрозрачный свет, освещая интерьер. На мгновение вспомнился витраж, но это был не стеклянный, а настоящий камень, тонко обтёсанный. Столы и стулья, составляющие скалу-замок, тумбочки и даже маленький подсвечник – всё было сделано из камня.

Тен последовал за тремя гномами в зеркальную комнату. Зрелище, полное больших и малых зеркал со всех сторон, было немного жутким. Существующих живых существ было четверо – один человек и три гнома, но зеркала, запечатлевшие их образы, отражали и отражались друг

в друге, создавая тысячи сотен форм.

— Какое взять? Побольше будет лучше?

— Я за яркое.

— Зачем зеркалу быть ярким. Всё равно собеседник не увидит.

— Послушай, человек. Какое тебе нравится?

Внезапно стрела обратилась к нему. Тен ответил на вопрос вопросом.

— Какое из них телезеркало?

— Здесь все - телезеркала.

Все эти? Тен окинул взглядом разнообразные зеркала - от зеркал в полный рост до маленьких ручных зеркал. Все они телезеркала. Даже если собрать все телезеркала Гиниана, их будет меньше, чем здесь.

— Как насчёт того?

Тен указал на зеркало, расположенное низко, соответственно росту гномов. К нему гурьбой подошли три гнома. Переговорщик, который в основном будет вести разговор, держал бумагу с записанными способами реагирования на различные ситуации. Рядом с ним переводчик ждал с напряжённым лицом, а Тен и Вильгельм наблюдали за ними из слепой зоны зеркала.

— Ну, начинаем.

Маленькая рука гнома двигалась по зеркалу. Нарисовав большой круг и заполняющий его перевёрнутый треугольник, как учил Тен ранее, а затем добавив несколько символов, на стекле остались белые отпечатки рук.

Когда магическая формула была завершена, поверхность зеркала заколыхалась, как водная гладь. Бурно колыхавшаяся рябь постепенно улеглась, и за зеркалом раскрылся другой мир. Женщина со здоровой смуглой кожей мило улыбнулась оттуда.

"Здравствуйте. Это Отдел информации и связи при Управлении Гиниана".

— Ооо. Получилось, получилось!

— Соединилось!

Чрезмерно обрадовавшиеся гномы запоздало прокашлялись и постарались держаться степенно. Гном, ответственный за переговоры, говорил, а ответственный за перевод переводил.

— М-мы хотим кое-что сказать.

"Да. Скажите, пожалуйста, и я соединю вас с соответствующим отделом".

— Ваш охотник украл несколько наших произведений. Его зовут Амиабх Кан, а мы слышали, что он собирается продать наши вещи на аукционе.

"Заявление о краже? Имя подозреваемого - Амиабх Кан, наш охотник. Не могли бы вы

подробно сообщить место и время кражи, а также украденные предметы?"

— На прошлой неделе на улице текстильного мастера Роэна в четвёртом районе Марбурга. Украдены плащ из перьев феникса, сапоги с песней ветра, и...

"П-постойте. Марбург, вы сказали?"

Сотрудница отдела информации и связи, которая до этого держалась с вежливой улыбкой и служебной любезностью, впервые выразила растерянность. Её взгляд задержался на миниатюрном телосложении гномов и острых ушах.

"Минуточку, подождите немного!"

Сотрудница за зеркалом мгновенно исчезла, послышался звук падения с грохотом и слабо донёлся голос, зовущий начальника – начальник команды! начальник команды!

Вскоре ответственный сменился. Это был руководитель Управления, которого Тен видел мельком. Похоже, доклад поднялся выше начальника команды до уровня руководителя. Ещё бы. Связь с Валенсом прервалась уже 300 лет назад. Насколько же удивительно, что легендарный собеседник, о котором слышали лишь в слухах, внезапно связался.

Вскоре гномы смогли получить удовлетворительный ответ. Это был естественный результат. Со стороны Нэйва они захотят любым способом поддерживать с трудом установленную связь. Руководитель Управления выступал с низкой позиции в стиле "выполним любое желание". Разговор завершился обычными любезностями, что давайте и впредь часто поддерживать связь.

Гномы были просто искренне рады, но Тен немного беспокоился. Разве не очевидно, чего желает Гиниан от Марбурга. Получить замечательные произведения мастеров. А также монополизировать каналы распространения.

Так или иначе, это дело далёкого будущего. Сейчас решили сполна насладиться радостью от того, что проблема решена немедленно. Тен с умилением наблюдал за гномами, которые не знали, что делать от радости, подбадривая друг друга, когда вспомнил о своём кураторе. Прошло довольно много времени с тех пор, как не выходил на связь, так что она наверняка волнуется.

— Могу ли я воспользоваться телезеркалом в личных целях?

Когда Тен спросил, гномы охотно разрешили. С кончика указательного пальца Тена, направившегося к маленькому зеркалу в углу, вспыхнул небольшой огонёк. Когда горячей рукой нарисовал узор на зеркале, поверхность стекла заколыхалась, и появилось желанное лицо.

— Соня.

Это была хорошая возможность. Было так много недосказанного за это время, что он задумался, с чего начать. Тен широко улыбнулся и открыл рот, обращаясь к ней. В этот момент.

— Тсс.

Соня подняла указательный палец и плотно приложила его к губам. Предупредив его молчать,

она быстро наклонила голову и что-то записала.

[Не выходи на связь.]

Это было написано в блокноте Сони. Тен, не понимая причины, хотел спросить, в чём дело, но Соня качала головой, шипя: тсс, тсс, – показывая, чтобы не говорил.

[Не используй силу Аквилы]

[Не выходи за пределы Валенса]

[Ни в коем случае]

Последовала внезапная письменная беседа. Тен в растерянности был вынужден односторонне принимать знаки, которые она передавала.

[Ни в коем случае не выходи]

И затем исчезла.

Телезеркало с прерванной связью вернулось к обычному зеркалу. Его собственное отражение в нём выглядело ошарашенно, словно человек, потерявший душу. Односторонняя письменная беседа и разрыв связи. Она отвергла его, даже не зная, в чём дело.

Неужели отношения могут так легко оборваться?

Смятение было слишком велико, чтобы обида или упрёк могли даже поднять голову. Когда он стоял в растерянности с застывшим разумом, кто-то потянул за край его рукава. Это был Валленштайн.

Когда он успел прийти? Хорошо ли собрал осколки? Кстати, он же и сейчас босиком?

Отбросив хаотично возникшие мысли, Тен поднял Валленштайна на руки. Казалось, что в первую очередь нужно было сделать именно это.

<http://bllate.org/book/14993/1504374>